

ПРАГМАТЕМЫ В УСТНОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ И ОБЩАЯ ТИПОЛОГИЯ¹

Наталья Викторовна Богданова-Бегларян

д. филол. н., профессор кафедры русского языка

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11. nvbogdanova_2005@mail.ru

Настоящая статья посвящена описанию и классификации особых единиц устного дискурса. Эти единицы, восходящие к обычным лексемам, как полнозначным, так и служебным, в ряде своих употреблений в повседневной речи утрачивают (полностью или частично) лексическое и/или грамматическое значение и приобретают прагматическое, переходят из разряда речевых в разряд условно-речевых (коммуникативно-прагматических) функциональных единиц русской речи. С учетом такой их *прагматикализации* для них вводится термин *прагматема*. В работе дается обзор некоторых близких к прагматеме понятий, таких как *дискурсивное слово*, *дискурсивная единица*, *логическая* или *модальная частица*, *коннектор*, *речевой автоматизм*, *вербальный хезитатив*, *прагмалексема*, и обосновывается необходимость нового термина. Предлагаемая типология прагматем включает более десятка различных разрядов: *междометные прагматы*, *хезитативные*, *дискурсивные* и *ритмообразующие маркеры*, *маркеры поиска и самокоррекции*, *маркеры-ксенопоказатели*, *маркеры-рефлексивы* и *маркеры-аппроксиматоры*, а также ряд др. Весь анализируемый материал рассматривается на фоне других специфических особенностей русской устной речи, обнаруживаемых на лексическом и дискурсивном уровнях анализа. Во всех случаях отмечается полифункциональность выявленных прагматем, дискурсивный анализ проводится на корпусном материале: используются устный подкорпус Национального корпуса русского языка и Звуковой корпус русского языка (модули «Один речевой день» и Сбалансированная аннотированная текстотека).

Ключевые слова: устная спонтанная речь; повседневное общение; прагматикализация; прагматема; маркеры устного дискурса; звуковой корпус.

1. Специфика устной повседневной речи

Вокруг проблем обыденной жизни объединяются сегодня самые разнообразные исследования, поэтому вполне можно говорить «о глубинном интересе к повседневности» в современной науке [Вальденфельс 1991: 40]. Ср., например: «Тема повседневности в XX веке прочно вошла в сферу современного исследовательского интереса и уже успела образить собственной традицией. Парадоксальным образом мысль начинает испытывать интерес к повседневности. Ажиотаж вокруг нее в последние десятилетия так велик, что можно констатировать своего рода “поворот к повседневности”, которая превратилась в предмет различных социальных наук и междисциплинарных исследований. <...> Именно повседневная жизнь во всем ее многообразии представляет подлинный интерес для представителей “человековедческих” дисциплин. Со времен Сократа нет для человека более интересного объекта изучения, чем он сам» [Полякова 2014]; «...закономерно возникший во второй половине

XX века интерес ученых разных специальностей к повседневной жизни людей не случаен, от науки потребовалась определенная систематизация чрезвычайно разнообразных составляющих современного образа жизни и поведенческих стереотипов» [Тимофеева 2014]. Так, «философия повседневности нашла свое отражение в трудах ученых “Серебряного века” В. В. Розанова, И. А. Ильина, а позднее в работах М. М. Бахтина и Г. Г. Шпета. Проблемы психологии обыденного сознания исследовались Л. С. Выготским, вопросы частной жизни людей в историко-культурном и этнографическом аспектах рассматривали в своих трудах М. Г. Рабинович, О. М. Фрейденберг, Л. С. Семенова и мн. др. Таким образом, важно отметить, что антропоцентрическая направленность современных гуманитарных исследований обусловлена не только влиянием ряда западных концепций, акцентирующих внимание на изучении обыденного сознания и повседневных практик людей, но и оте-

чественной научной традицией» [Китайгородская, Розанова 2010: 11].

Язык является «ключевым объектом при анализе повседневности во всей ее полноте, о каких бы социально-гуманитарных науках ни шла речь. Всякий исследователь обыденной реальности и сознания вынужден быть отчасти лингвистом» [Касавин, Щавелев 2004: 410]. Не удивительно поэтому, что лингвисты обратились к изучению повседневной речи носителей языка. Именно такую речь фиксирует *Звуковой корпус русского языка*, создаваемый на филологическом факультете СПбГУ, особенно его блок «Один речевой день» (ОРД) (см. подробнее: [Звуковой корпус... 2013]); именно такая речь соответствует всем признакам, установленным исследователями в принципе для повседневности как «высшей реальности» (см.: [Шюц 1988]):

1) *самоочевидность* обыденной жизни и нашего знания о ней. Воспринимаемые нами объекты окружающего мира (в том числе язык) образуют «поле самоочевидного, не подвергающегося сомнению опыта» [там же: 130]; ср. также: «Повседневность представляет собой структурный компонент человеческого опыта, есть то, от чего нельзя уйти никому» [Полякова 2014];

2) *интерсубъективность*: необходимое обыденное знание приобретает индивидом не обособленно, а во взаимодействии с другими индивидами (в том числе в процессе коммуникации) [Шюц 1988: 130];

3) *стереотипность* восприятия окружающей действительности и себя в ней [там же: 134].

По мнению П. Томпсона, «устное повествование <...> примитивно с точки зрения грамматического строя, полно избыточных выражений и неоправданных отклонений; в нем много субъективного, эмоционального и гипотетического, часто используются одни и те же слова и образные выражения» [Томпсон 2003: 277]. Однако подобная «непричесанность» такого повествования может служить дополнительным источником информации для историка повседневности, поскольку позволяет выявить «часто полусознанные, скрытые значения, которые выдает сама речь» [там же]. Именно этим интересна для лингвистического исследования живая повседневная устная речь, анализ которой позволяет исследователям не только описать ее специфику и заложить основы построения *грамматики речи*, или *антропоцентрической грамматики* (см. о ней: [Русакова 2012]), но и увидеть перспективы развития языка, что еще больше повышает значимость всех таких исследований.

Устная речь повседневного общения характеризуется многими особенностями, заслуживаю-

щими отдельного исследовательского внимания. Вот лишь некоторые из них, обнаруживающиеся на дискурсивном и лексическом уровнях анализа материала.

1.1. Расширение круга значений единиц

Глагол *уговорить/уговаривать*, имеющий в качестве основного значение ‘убеждая, склонить к чему-л., заставить согласиться с кем-, чем-л.’ [Словарь русского языка... 1984: 458], способен употребляться в повседневной речи как синоним глаголов *выпить/выпивать*, *съесть/есть* в значении: ‘шутл., разг. Съесть или выпить все, обычно значительное количество (чаще о спиртном)’ [Химик 2004: 630]:

- [Абрамыч, писк] *Ха-ха поймала, по ходу, но – философски. Тож поди абсент уговариваешь иногда?* [коллективный. Спекулянты за работой (2011)]²;

- [Ю. К., жен, 19] *Для нас // Вот // А я потом вот почти не пила они всю эту бутылку одни уговорили / баклажку даже не допили / ну вот водки наверно столько осталось [показывает] / и в баклажке вот столько [показывает] / [Разговор о поездке в лес // Из коллекции Саратовского университета, 2002].*

Видно, что круг значений глагола *уговорить/уговаривать* в устной речи существенно расширяется за счет подобных контекстов, и зафиксировано это пока только рядом словарей неформальной лексики.

В первом из приведенных контекстов присутствует и еще одна единица подобного типа: *по ходу* в значении ‘кажется, похоже’, что также можно рассматривать как некоторую речевую семантическую новацию. Множество примеров такого типа см. также: [Богданова-Бегларян 2014a].

1.2. Появление новых («несловарных») единиц

Приведем лишь один пример такого типа, поскольку их количество в нашей речи поистине огромно.

Лексема *бабец/бабца*, хорошо знакомая всем носителям русского языка, с трудом поддается даже лемматизации (приведению к исходной форме), ср.:

- *ну я думаю не раз уже подворачивался / с другой стороны // смотри они сколько уже / лет шесть вместе // нда // хотя тоже там / бабцу какую-то / залапал (ОРД);*

- *долго ли взирать / такие бабцы ? (ОРД);*

- *ну там такие бабцы / конечно призы... / я в шоке // откуда у них грудь? неужели у них всех силикон? я не понимаю (ОРД).*

Анализ самого разнообразного материала, а

также ряд психолингвистических экспериментов с обращением к ментальному лексикону носителей языка позволили сделать в отношении данной единицы следующий вывод: в современной устной повседневной речи существуют два варианта этой лексемы, с небольшими различиями в значении:

1) *бабец* (м. р.) – ‘грубое и вульгарное наименование женщины, малообразованной, маргинального происхождения, потерявшей свою женственность’;

2) *бабец* (ж. р.) или *бабца* (ж. р.) – ‘привлекательная женщина, обладающая специфическим психологическим складом: инициативностью, самостоятельностью, способностью за себя постоять’.

Подробнее об этой единице и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.3. Изменение соотношения значений единицы (мена приоритетов)

Данную особенность устной повседневной речи удобно проиллюстрировать на примере употреблений одной из форм глагола *сказать* – *скажем*, в том числе в составе различных конструкций: *так скажем*, *скажем там*, *ну скажем* и под.

В толковых словарях русского языка форма *скажем* упоминается лишь как одна из возможностей употребления глагола *сказать* (мелким шрифтом в конце соответствующей словарной статьи): «1 л. мн. ч. буд. вр. *скажем* в знач. вводн. сл. Например, к примеру. *Разговор зашел об этом самом трагизме, – когда человек сознает, что, скажем, счастье любви есть высшее счастье, но он не способен отделиться ему.* Вересаев. “Да здравствует весь мир!”» [Словарь русского языка... 1984: 101]. Конструкции *скажем так*, *так скажем* и проч. возможные варианты данной единицы не зафиксированы нигде, существуют только еще *Прямо сказать/сказать прямо* – вводные словосочетания со значением ‘откровенно, нелицемерно, открыто, явно, не скрывая’ [там же].

Анализ функционирования исследуемой единицы в разных видах русской речи позволил сделать довольно интересные наблюдения. Оказалось, что предикативные употребления *скажем* (поставленные словарем на первое место) единичны (от 0 до 7,5%) во всех видах речи. При этом словарные единицы (*скажем*, *ну скажем*, *прямо скажем*) (в значении ‘например, к примеру’) встретились преимущественно в письменной речи. Зато в разных типах устной речи (научной, публичной, бытовой) выявляется до 7-10 разновидностей этой конструкции, вклю-

чающей данную форму (наиболее часто – *так скажем* и *скажем так*), причем в значениях (функциях), далеких от словарных:

- *вот есть / вещи такие / вот / ну / у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / не знаю / паяет что-то* (ОРД)³ (хезитация + поиск; найденная в ходе поиска конструкция подчеркнута);

- *у меня такой личный вопрос / в общем (м-м) скажем так ... *П разрешите / я сяду* (ОРД) (хезитация + дискурсивный направляющий маркер).

Анализ материала позволяет говорить не только о вариативности конструкции, включающей форму *скажем*, но и о необходимости отдельного ее лексикографического описания. Подробнее об этой единице и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.4. Ослабление семантической составляющей

Уже на предыдущем примере можно видеть, что в устной повседневной речи происходит не только изменение соотношения различных значений конкретной лексической единицы (мена семантических приоритетов), но и общее ослабление семантической составляющей одной из ее форм, что фактически отрывает эту форму от исходной и превращает в самостоятельную единицу, требующую отдельного лингвистического анализа и отдельного описания в соответствующем словаре.

Другим примером подобного типа могут служить многие употребления форм *знаешь/знаете*, в том числе и в составе различных конструкций, ср.:

- *как он называется? *П господи! *П прошиный пуфик такой / знаете(:) / модная / @ угу // @ табуреточка / а она оказывается очень нестойкая* (ОРД) (поиск + метакоммуникация – удержание говорящим речевой инициативы в момент хезитационного колебания);

- *вот ты знаешь / я короче уже один раз завалила как будто // содю второй раз / и второй раз завалила* (ОРД) (дискурсивный стартовый маркер + метакоммуникация – привлечение внимания собеседника).

Видно, что в обоих контекстах глагольное значение форм *знаешь/знаете* максимально ослаблено. Подробнее об этих единицах и о ряде других подобных см.: [Звуковой корпус... 2014].

1.5. Утрата единицей лексического значения и приобретение прагматического

Логическим продолжением предыдущего процесса, протекающего в устной повседневной речи, является полная утрата единицей своего лексического значения и приобретение прагматического, т. е. той или иной функции, которую

эта единица выполняет в потоке речи. Именно это и стало главным объектом внимания в настоящей статье.

2. Прагматикализация и прагматема в устной повседневной речи

О прагматикализации говорят, когда в естественной речи определенные грамматические формы, отдельные лексемы переходят на коммуникативно-прагматический уровень языка и становятся сугубо прагматическими единицами, выражающими различные реакции говорящего на окружающую действительность и имеющими форму самостоятельных высказываний [Graf 2011: 288-289]; см. также: [Günther, Mutz 2004]. Обычная лексема превращается при этом в прагмалексему (*Pragmalexeme*; см., например: [Rathmayr 1975]), или прагматему. Последний термин для описания исследуемого класса единиц, на наш взгляд, предпочтительнее, поскольку зачастую эти единицы представляют собой не отдельные лексемы, а целые конструкции, которые могут иметь несколько вариантов употребления: *это самое, как сказать, (ну) (ты) знаешь, вот (этот) вот, туда-сюда, как его (ее, их), как это, (я) не знаю* и под.

В лингвистике не раз предпринимались попытки найти подходящий термин и описать подобные единицы устного дискурса. Так, близкими к прагматеме понятиями можно считать, например, *Discourse markers* [Schiffrin 1988], что было переведено на русский как *дискурсивные слова*. Пожалуй, именно этот термин является сейчас наиболее распространенным. Как отмечает Е. Г. Борисова, он пришел на смену понятию *частица* (*Modalpartikeln, Modal particles*), когда оказалось, что частицы обладают «слишком различными функциями» [Борисова 2014: 97]. В «Путеводителе по дискурсивным словам русского языка» А. Н. Баранова, В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, одной из первых отечественных работ, специально посвященных дискурсивным словам, дается следующее толкование данного понятия: «По сути дела имеются в виду единицы, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста и, с другой стороны, самым непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Баранов и др. 1993: 7].

Фундаментальным исследованием дискурсивных слов можно считать работу, выполненную под руководством К. Л. Киселевой и Д. Пайара [Дискурсивные слова... 1998; 2003]. В концепции авторов дискурсивные слова определяются прежде всего на основании функциональных критериев, главный из которых – установление

отношения между двумя (или более) составляющими дискурса. Таким образом, значение дискурсивных слов, не имеющих денотата, можно изучать только через их употребление. Класс дискурсивных слов является открытым, и по функциональным критериям туда входят служебные или неполнозначные слова, модальные слова, а также частицы и некоторые наречия. В этих же работах подобные единицы называются *логическими частицами, модальными частицами* или *коннекторами*.

На определенном этапе исследований для описания единиц устного дискурса были предложены также термины *речевой автоматизм* [Верхолетова 2010], *дискурсивная единица* и *вербальный хезитатив*, под которыми понимались, в частности, полифункциональные единицы (часто – развернутые конструкции) (см., например, [Звуковой корпус... 2014]), являющиеся вербальными заполнителями пауз хезитации. В работе С. Бризер [Brizer 2012] подобные единицы относятся к «образующим дискурс элементам» – *discourse structuring elements*.

Избирая в качестве основного термин прагматема, мы исходим из того, что в процессе прагматикализации происходят изменения в семантике лексических единиц, повышается роль прагматического компонента и уменьшается значимость денотативного и сигнификативного элементов. Данный процесс может сопровождаться изменениями в употреблении (например, нереализованная валентность, нестандартный порядок слов и т. п.). В результате единица в значительной степени утрачивает (или изменяет) свое лексическое, а зачастую и грамматическое значение и главным для нее становится та функция, которую она реализует в структуре устного текста (дискурса) и которую можно назвать *прагматическим значением* данной единицы.

На следующем этапе происходит лексикализация прагматем в повседневном общении, которая связана с общим автоматизмом спонтанной речи и закреплением прагматической функции за конструкцией в целом в определенной коммуникативной ситуации. Это ставит задачу создания своеобразной типологии и дальнейшего лексикографического описания прагматем нашей повседневной речи.

3. Разновидности прагматем в устной повседневной речи

Проведенный анализ материала (прежде всего – Звукового корпуса русского языка) показал, что прагматемы, функционирующие в нашей речи, достаточно разнообразны. Попробуем представить основные их разновидности.

3.1. Междометные прагматы

Междометные прагматы отличаются от своих производящих (чаще всего этикетных) форм тем, что приобретают новую семантику, прагматику и просодику, а также синтаксическую независимость [Graf 2011]:

(1) *вы не хотите ин... оформить инвалидность ? *П так а(:) / кто / а кто мне её (...) даст ? # **здрасьте!** *П тут по... по вашим болячкам / я тут почитала / у вас куча болячек (ОРД);*

(2) *так / заставка // вот заставка // а что ж это у меня получилось-то ? *П чистый лист / **драсьте пожалста!** (ОРД);*

(3) [Мари, А. Клюка, жен, 29, 1970] *И ты будешь то самое целый час?* [Лямкин, В.Ильин, муж, 52, 1947] *Ага. **Щас** / всё брошу. Размечталась / дамочка.* [А. Сурикова, В. Еремин. Хочу в тюрьму!, к/ф (1999)];

(4) [Марина, жен] *Я? Ха! **Щас** прям! Недостойны они этого!* [Разговор двух подруг (2006)];

(5) *ну ну / **будет тебе @** держи (ОРД);*

(6) [Знакомый Александра Ивановича, муж] *Назад.* [Митя, О. Долин, муж, 27, 1981] *Ты это брось. Сорок дней пил / а тут... помирает* [М. Калатозишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];

(7) [Парень2, муж] *Да ну ты **брось** / все нормально будет* [Разговор молодых людей в автобусе о последних событиях в жизни // Дальневосточный федеральный университет, База данных «Речь дальневосточников», 2008];

(8) *ну **давайте** / ага // *П хорошо / всё (ОРД);*

(9) *спроси пожалуйста / угу // ну **давай!** *П пока! (ОРД);*

(10) *Дыма / Дыма Дыма / ты не сюда залез // ну-ка **давай!** *П **давай!** (ОРД);*

(11) *так // *П допустим **девятьсот четыре** / # вот здесь напиши мне / # **давай!** (ОРД).*

Из последних примеров видно, что формы *дай/давайте* употребляются в нашей повседневной речи в двух прагматических значениях: как этикетная форма прощания, синонимичная *пока* (8–9), и как императив, обозначающий любое действие, к которому говорящий стимулирует собеседника (10–11).

3.2. Зависимость формы слова от намерений говорящего

С известными допущениями к классу прагматем могут быть отнесены и употребления слова *тысяча*, которое реализуется, в зависимости от намерений говорящего, то в полной, то в редуцированной форме, ср.:

1) с намерением сгладить, преуменьшить сумму:

• *такую ставку маленькую / он девять **тыщ** получал / что-то в таком духе (ОРД);*

• *по двенадцать-то **тыщ** я бы и сам платил / даже за однокомнатную (ОРД);*

2) с намерением выделить, преувеличить сумму:

• *вот (э-э) эта самая девушка как раз (...) говорит / что... / вот оказывается она очень дорого стоит где-то там (э-э) больше двух **тысяч** один (...) сеанс (ОРД);*

• *но у Барчукова-то как бы / но и машину *Н / и сама заработала **восемьдесят тысяч** (ОРД).*

Иногда подобную дифференциацию форм можно наблюдать в одном и том же контексте, в диалоге говорящих, по-разному относящихся к конкретной сумме:

• [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Где **триста тысяч**?* [Кирыч, муж] *Какие... какие **триста тыщ** / товарищ?* [Олег, С. Астахов, муж, 34, 1969] *Я вам **щас** объясню* [В. Бутурлин, В. Еремин. Есть идея, к/ф (2003)];

• [Мужчина2, муж] *Восемьсот **тыщ** за каждого.* [Юля, жен] *Восемьсот?* [Оля, жен] ***Тысяч**?* [Юля, жен] *За каждого?* [Мужчина2, муж] *Да / за каждого* [Разговоры за игрой в карты (2009)].

Подробнее о редуцированных формах русской речи см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3. Дискурсивные единицы в разных функциях

Утратив (полностью или частично) свое лексическое значение, многие единицы дискурса (дискурсивные единицы в широком смысле слова) начинают выполнять в нашей речи довольно большое количество разнообразных функций, что дает основания включить их в класс прагматем.

3.3.1. Хезитативные маркеры

Наиболее универсальной такой функцией является хезитативная: вербальное заполнение паузы хезитации (речевого колебания). Именно такие единицы уместно называть также *вербальными хезитативами*. В потоке речи они употребляются либо самостоятельно, либо выстраиваются в более или менее протяженные хезитационные конструкции:

• *раньше приезжаешь **там** (м...м) как раз // # раньше надо (э...э) вставать / а сейчас (э...э) в семь часов / *П темно бл[...]дь⁴ (ОРД);*

• *будет / (э-э) **вот знаешь что** / какой нам **бабке-то** дать? (ОРД);*

• *да **там какие-то** / **эти самые** / и (ещё вот) / что-то по-моему / она **какие-то** протоколы разногласия пишет // **я не знаю** (ОРД).*

Подробнее о вербальных хезитативах см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3.2. Маркеры поиска

Такие маркеры часто являются полифункциональными и выполняют, наряду с поисковой (найденная единица всюду в примерах подчеркнута, хотя поиск может быть и неудачным), еще некоторые дополнительные функции, ср.:

- *в общем / *В *П какой-то маразм / такое впечатление создаётся // *П и старушка эта / *П вот так знаете (э...э) *П взяла / разорвала рецепт / и бросила там ей (ОРД) (+ хезитация + дейксис + метакоммуникация);*

- *ой / ха-ха я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они коты накормили / это самое // он начал / это самое / э-э ну это / как его // э-э ну з... / ж... / ну жареной свиной // значит / окунями // и он начал кататься валять по полу // кататься и валяться по полу (САТ; пересказ) (+ хезитация);*

- *похоже на картины Шишкина мне почему-то сразу вспомнилось «Утро в сосновом лесу» самая моя / не знаю самая примитивная хранящаяся у меня в голове картина из детства / вот (САТ; описание) (+ хезитация + метакоммуникация);*

- *а вот с этими / *П что? с кровью? (ОРД);*

- *ну у неё врал / (...) этот (...) прибор наврное (ОРД).*

Подробнее о поисковой функции вербальных хезитативов см.: [Богданова-Бегларян 2013].

3.3.3. Маркеры-рефлексивы

Особый класс прагматем образуют конструкции, появляющиеся в речи как своего рода реакция говорящего на произведенный поиск, оценка им степени адекватности найденной единицы изначальному намерению; условно они пока названы *рефлексом поиска*, или *рефлексивами*:

- *ничего не давала // *П главное у неё сегодня этот () как его / (...) лабораторный день / или как сказать? (ОРД);*

- *какая-то (...) ну этот (...) врач терапевт Людмила Андреевна / (...) Перегоршнева или что? (ОРД);*

- *были (э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их ? лямблии ? или как это? (ОРД);*

- *с другими // *П ну (...) неспециалистами так скажем // *П в той области / в которой я работаю (ОРД).*

Предложенное понимание рефлексива находит соответствие и в других лингвистических исследованиях, ср.: «многие рефлексивы отражают раздумья автора над точностью и адекватностью номинаций, используемых для обозначения положения дел» [Кормилицына 2000: 21]⁵. В спонтанной речи, используя подобные маркеры, говорящий словно бы отстраняется от того, что уже сказал или собирается произнести, снимая с себя ответственность за точность номинации. В

ходе спонтанного речепорождения, в условиях временного дефицита, такие ситуации возникают довольно часто (см., например: [Подлесская 2013]).

Подробнее о рефлексиве скажем так / так скажем в разных позициях по отношению к искомой единице, от чего зависит и его конкретная прагматическая функция, см.: [Звуковой корпус... 2014].

3.3.4. Дискурсивные маркеры

Довольно обширный класс дискурсивных прагматем, структурирующих устный текст, включает стартовые, направляющие (навигационные) и финальные маркеры, которые тоже часто оказываются полифункциональными:

- *знаешь / вот тоже слабое место бл[...]^д а? так стало быть я там / вот за кордоном / они ж не привыкли ремонтировать // они к этому не привыкли как у нас (ОРД) (старт + метакоммуникация);*

- *далее / *П значит мы (э...э) *П (э...э) спис... берём / триста второй счёт / *П триста второй двадцать два соответственно материалы // *П должен быть / *П триста второй / *П двадцать три // *П как (э...э) денежные документы (ОРД) (навигация + старт нового фрагмента речи + хезитация);*

- *и она просто / у нее там на на уровне подсознания срабатывает / нет / не хочу / потому что // я не знаю почему / думаю что (ОРД) (финал).*

3.3.5. Дейктические маркеры

Дейктическая функция в классе прагматем связана по преимуществу с дискурсивной единицей *вот*. На статус более или менее лексикализованной прагматемы претендует, как представляется, конструкция *вот (...) вот*, включающая и другие усилительные или указательные слова (*именно, только, этот, такой* и под.) или местоименные наречия разного типа (*так, там, туда*). Следует отметить, что слово *вот* в составе таких конструкций и в таких значениях словарями не зафиксировано, в то время как в материале исследования подобных примеров великое множество. В ряде случаев и здесь наблюдается полифункциональность выявленной прагматемы:

- *обалдеть! *П вот этот вот знаешь / альбуцид / *П (э) закапать в глаза? (ОРД) (+ хезитация + поиск);*

- *а вот это вот я не успел // *П раза три наверно пытался это самое у... *Н // # но если семь с половиной / то страховая наверно (ОРД);*

- *да юрист-то подписала / и эта бы / # бухгалтер подписала? # она бы подписала / это вот здесь вот видишь это / (...) допущены вот ошиб-*

ки // СПб (...) ГАМН надо / а вот здесь НАМН // # протокол разногласия надо написать / она подпишут (ОРД);

• это довольно смешно выглядит со стороны // ну / наверно всё // **вот так вот** (САТ; опускание) (+ финал).

3.3.6. Метакоммуникативные маркеры

Прагматы, выполняющие в устной речи метакоммуникативную функцию, в наибольшей степени сохраняют связь с семантикой исходной формы и также зачастую бывают полифункциональными, ср.:

• а сейчас / а сейчас они вот / (э...э) страховую да [а] сперва? *П (э...э) / ну у кого какая страховая / **понимаешь [б]**? у кого большая / тому выгодно // а у кого (...) она не повышалась* *П вот (ОРД) (+ навигация [б]);

• так / а где здесь эт ну / не новым / а (...) фи... физическое состояние его увеличилось на проценты // # **вы знаете что [а]**? *П вот / я думаю что / (...) это не совсем правильный подход / потому что вот что касается компьютера / да [б]? *П # угу // # вот если мы в него как бы дополнительно вкл... вкладываем / и меняем его в лучшую сторону / да [в]? то да // это увеличивает стоимость основных средств // *П а если мы его просто ремонтируем / то ничего этого не происходит // *П **понимаете? да? [г]** (ОРД) (+ навигация [а], [б], [в] + финал [г]);

• да там какие-то / эти самые / и (ещё вот) / что-то по-моему / она какие-то протоколы разногласия пишет // **я не знаю** (ОРД) (+ финал).

3.3.7. Маркеры самокоррекции

В функции самокоррекции чаще всего выступает прагмата *это самое* (или ее варианты), хотя возможны и другие единицы. Часто с ними соседствует в речи и физическая (ничем не заполненная) пауза хезитации (J) (фрагменты текста, подвергшиеся коррекции, в примерах подчеркнуты), иногда присутствуют и другие (сопровождающие коррекцию) хезитационные явления – повторы (был ярк... [**это самое**] был] июльский день) или метакоммуникативные вставки (фу ты):

• яркая солнечная погода // говорить можно? так был ярк... [**это самое**] был] июльский день / вот / небо было чистым / безоблачным / солнце] светило (САТ; пересказ);

• мой хороший! позвонить мне / и узнать у меня ! *П ты мне звонишь и спрашиваешь о чем угодно / но об этом *В спросила бы / я бы тебе объяснила бы / *В и ты бы () уже давно бы сделала / и мне бы / в полдесятого / нервы не трепала бы / с этой ерундой / дурацкой! с гектарами! *П что они из вас / животноводов хотят ()

этих (...) фу ты () пахарей (...) чертовых вырастить / что ли? (ОРД).

3.3.8. Маркеры-ксенопоказатели (вводящие в повествование чужую речь)

Функция ксенопоказателя традиционно приписывается частицам. К давно описанным *мол, де, дескать* исследователи устной речи добавили в последнее время еще несколько единиц: *грит/гыт, ах, вот* и некот. др. – см., например: [Левонтина 2010]. Думается, что в число прагматем целесообразно включать лишь те из ксенопоказателей, которые способны выступать в устном дискурсе и в других функциях (обнаруживают полифункциональность), ср.:

• она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь? я говорю **ты знаешь** говорю / просто я сама сама говорю изменилась (ОРД) (+ старт чужой (в данном случае – передаваемой своей) речи + метакоммуникация);

• пришел домой мама мне сказала господи чё ты такой пьяный иди спи **вот** (САТ; рассказ) (+ финал чужой речи);

• я говорю мама / которая всю / весь спектакль сидит в кресле инвалидном / *В заходит в платье вечернем **такая / типа того** что же она / она уже ходит (ОРД) (+ элемент сравнения, изобразительности);

• ну вот // *П и тут звонок в дверь // стоит этот мужик // *П **типа того что блин** / *П *Х *П давайте общаться! (ОРД);

• он так ласково разговаривает / **такой** / *В ну вы успокойтесь / у вас все будет нормально // все получится // всё хорошо (ОРД) (+ изобразительность);

• Где-то около часа ночи попался на фен⁶... **Тосим-босим** – Вы нарушили – 97 км/ч. (Интернет);

• Сторож, Г.Светлани, муж, 82, 1895] *А сперва пождут хозяина или звонят в союз охотников. Так и так / мол / разберитесь. Одна там такая есть* [С. Ростокский, Г. Троепольский. Белый Бим, Черное ухо, к/ф (1977).

Из последнего примера видно, что «старые» ксенопоказатели вполне могут соседствовать в устной речи с «новыми», подтверждая и усиливая эту их прагматическую функцию, ср. также:

• [Мать, жен, 54] *К Надьке подхожу и говорю / Надь / почему так произошло? / молчит / вот так / знаешь / **типа / мол** / не твоё дело* [Рассказ о работе // Из коллекции НКРЯ, 2006].

3.3.9. Ритмообразующие маркеры

Давно замечено, что ритм в естественной речи создается прежде всего просодическими средствами (темп, паузация, чередование ударных и безударных гласных, вся система ударений) (см., например: [Черемисина-Ениколопова 1999:

38]), однако «не последнюю роль в создании “гармонии речевого потока” играют и дискурсивные единицы как функциональные элементы звуковой цепи. Работа с корпусом звучащего материала позволяет проверить эту гипотезу и найти реальные экспериментальные данные в ее пользу» [Богданова-Бегларян и др. 2013: 10]. Это и дает основания выделить еще один класс прагматем нашей повседневной речи — *ритмообразующие маркеры*. Следующие примеры размечены с учетом относительной изохронности определенных фрагментов устного текста:

- *слушай / где-то (...) | берут эти (...) | взрывные | вещества* (ОРД);
- *девять тысяч там | с копейками* (ОРД);
- *там чтобы | не воровали | ничего* (ОРД);
- *вот мне там в этом | () пенсионном отделе | / одна вот женщина | говорит* (ОРД);
- *а чего они так придумали эти (...) | что закрепить действительно никак?!* (ОРД).

Видно, что во всех приведенных контекстах изохронность создается, в числе прочего, и с помощью специальных маркеров, выполняющих ритмообразующую функцию, что не исключает наличия у них и других – поисковой, например, или хезитационной (снова налицо полифункциональность исследуемых прагматем).

3.3.10. Маркеры-аппроксиматоры

(заменители всего перечисления или его части)

Известно, что одной из главных движущих сил языковой эволюции является закон экономики, проявляющийся, в частности, в компрессии устного текста, которая достигается разными средствами. Среди этих способов можно отметить и такое явление, как замена говорящим одной единицей части начатого перечисления или всего перечисления полностью. Для этой цели используются разнообразные заменители, *маркеры-аппроксиматоры*, выступающие в речи как знаки того, что перечисление возможно (полная замена, результат действия «стратегии замещения») или может быть продолжено (частичная замена, «стратегия совмещения») (о двух типах стратегий см.: [Подлеская 2013]). Стандартный (литературный), в первую очередь письменный, язык предоставляет для этого некоторые возможности, такие как *и так далее*, *и тому подобное*, *и другие*, *и прочее*, однако средства, используемые для этой цели в устной речи, гораздо богаче и разнообразнее. Можно говорить о целом классе дискурсивных единиц (прагматем), способных выступать в роли таких заменителей, ср.:

(1) *да / печать и так далее // ну(:) (у...у) у вас там это про... с... сро... строчки-то совпадают? (м...м)* (ОРД);

(2) *знаешь там / и так далее / вот человеку надо ставить конкретную задачу* (ОРД);

(3) *у неё ... # а я и то и другое (э-э) то есть ... # вы с ней очень осторожно* (ОРД);

(4) *Студент / значит? И ко мне / на практику? Эт хорошо. А то туда-сюда / а я один* [Женя, А. Градов, муж, 27, 1954] [В. Макаров и др. Берегите женщин, к/ф (1981)];

(5) *Одни мои знакомые решили завести второго ребенка. Так сказать и удовольствие получить, и денег заработать. Ну, тыры тыры, тосим босим. Чериз три месяца потыкали на УЗИ. Парадавали их* (Интернет) (орфография источника сохранена);

(6) [№ 3, жен, 18] *Гончарный круг / колесо / обожженный кирпич / бла-бла-бла* [Об учебе // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

(7) *А я ей всё приготовила / пятое десятое тридцать пятое* (из разговоров);

(8) [№ 2, муж, 22] *Ну, у неё сначала любовь-морковь была ко мне, все дела* [Разговор на улице между мужчиной и женщиной // практиканты, 2005];

(9) [Ирина, жен] *У нас там картингов нет / своя корочка / там / шапочка и пятое / и десятое* [Тренинг туристической фирмы (2007)];

(10) *снайперка причём прилично стреляет // *П с этим / с оптикой / со всеми делами // *П а(:) / п... против кого они воевали* (ОРД);

(11) *У него ни денег, ничего...* (из разговоров);

(12) [Мать Галины, жен] *Да что же вы надедали с моей доченькой! [Мужик11, муж] Чай там / то-сё / горячей воды. Скоро стемнеет / и хворать начнёт...* [М. Калатозишвили и др. Дикое поле, к/ф (2008)];

(13) *а бочки / по 200 литров / они всё равно потом там / про... проржавеют / и прочее и прочее потом* (ОРД);

(14) *говорят (а э) овал / и(:) эллипсоидный // *П ы-ы // () и то / и другое* (ОРД);

(15) [Антон, муж, 20] *Говорит / в субботу. Ему пока магнит делают / тоси-боси...* [О дне рождения // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

(16) [Космос, Д. Дюжев, муж, 24, 1978] *Этому десятка светит / а он всё / ля-ля / тополя / концерты / скрипочки / Шопен / Мопен...* [А. Сидоров, И. Порублев. Бригада, к/ф (2002)].

Начатое перечисление (там, где оно вообще есть) во всех контекстах подчеркнуто. В ряде примеров этот названный член выступает как обобщающее слово, и тогда маркер-аппроксиматор фактически заменяет собой весь возможный в данном случае перечислительный ряд (7–

8). В других контекстах этот маркер встраивается в середину ряда перечислений (12) или предвзвешивает его, беря уже на себя роль обобщающего слова (16).

Примеры показывают, насколько обширен и разнообразен данный класс прагматем, что позволяет даже поставить вопрос о создании специального словаря подобных единиц, который может быть полезен во многих теоретических и практических исследовательских целях.

3.3.11. Маркеры-аппроксиматоры (заменители чужой речи)

Особый класс прагматем, также *маркеро-аппроксиматоров*, способен заменять в устной речи не перечисление или его часть, а полностью чужую речь:

- [Юлия, жен, 18] *А / мы с тобой же были / помнишь / Настя и Катя. Аааа... Катю я видела пару раз в университете / ну / мы с ней поскольку не общались / постояли / «привет-привет» там / бла-бла-бла* [Разговор подруг // Из материалов Ульяновского университета, 2007];

- *А чаще я сама сажусь на телефон и ля-ля-тополя с его секретаршей...* [О. Некрасова. Платит последний (2000)];

- *Вы на то хозяйин... – та-та, та-та... и пошла схватка! Обе барыни сцепились между собою и кричали обе вместе* [Г. Ф. Квитка-Основьяненко. Пан Халявский (1839)].

Очевидно, что во всех случаях использования подобных маркеров говорящий прибегает к стратегии замещения (подробнее о маркерах-аппроксиматорах см.: [Богданова-Бегларян 2014б]).

3.3.12. БЛИН как орнаментальная клитика

Еще один эволюционный процесс, протекающий в устной речи буквально на наших глазах, демонстрирует слово *блин*, прошедшее за весьма короткое время путь от «детского ругательства», эвфемистического заменителя грубой инвективы, к просторечному, но уже привычному и очень распространенному междометию, зафиксированному целым рядом словарей, и далее — к вполне нейтральной орнаментальной клитике, ср.:

- *не / просто уже так привыкли блин* (ОРД);

- *те выходные / соцпакет / эти выходные / дебилы блин приехали* (ОРД);

- *нет / просто / *П мне очень интересно / *П кто () ху из ху / какого происхождения потому что / *П какой-нибудь там не знаю немец / у него плохая погода блин / ну везде плохая погода* (ОРД).

Именно утрата всякого значения, в том числе междометного, и переход к функции чисто кли-

тической (может быть, где-то и ритмообразующей) дает основания и эту единицу причислить к классу прагматем русской устной повседневной речи. Анализ материала показал, что даже ее эвфемистичность постепенно утрачивается: говорящий в одном контексте легко может употребить и слово *блин*, и его прототип (равно как и любые другие непечатные выражения):

- *чего открыл ты блин(?) свою бл[...]/дь?* (ОРД);

- *я вот вообще бл[...]/дь машину не хочу / вот серьёзно тебе говорю // после... после той... той аварии блин / я понял блин / что рано мне ещё на машине ездить* (ОРД);

- *на х[...]/й в цвет стен! *П белый / (...) # ну я с... сразу подумал / белый я говорю / ему с... его спрашиваю / белый блин красить?* (ОРД).

Как бы ни относиться к явной экспансии этой единицы в нашей повседневной устной речи, ее функционирование однозначно заслуживает более пристального внимания (подробнее о ней см.: [Богданова-Бегларян 2014в]).

4. Некоторые выводы

В качестве исходной посылки к проведенному исследованию можно процитировать следующее авторитетное мнение: «В свете корпусной идеологии совершенно по-новому предстают приоритеты лингвистической теории. Теоретическая лингвистика последних десятилетий затратила огромные усилия на анализ сложных синтаксических явлений. Однако с точки зрения корпусного подхода эта работа не всегда полезна, поскольку многие такие явления в речевой реальности не обнаруживаются или обнаруживаются крайне редко. В то же время исключительно частотные явления устной речи, такие как гезитации, речевые сбои, регуляторные дискурсивные маркеры, парцелляции и т. д., практически не замечены лингвистической теорией» [Рассказы о сновидениях 2009: 27]. Предпринятое описание прагматем русской устной повседневной речи можно считать некоторой попыткой «исправить этот крен и расширить эмпирическую базу лингвистического анализа» [там же].

К классу прагматем, как показал анализ корпусного материала, относятся по преимуществу «лексикализованные конструкции с местоименным компонентом» [Подлеская 2013]; это дискурсивные единицы, подвергшиеся *прагматикализации*: их лексическое значение в реальных употреблениях оказалось в значительной степени ослабленным или вовсе утраченным и на смену ему пришло прагматическое значение, или функция в речи.

Нужен, как представляется, еще один «Путеводитель по дискурсивным словам», но не тем, что у А. Н. Баранова с соавторами, а что-то вроде *Словаря прагматем русской разговорной речи*: дискурсивные единицы, сгруппированные по их функциям, и их подробное описание. Структура словарной статьи такого словаря должна включать несколько лексикографических зон:

- *семантическая зона* – толкование исходной единицы или компонентов прагматемы в обычных словарях, своего рода семантический фон для описания функционирования данной единицы в речи;

- *функциональная зона* – все возможные функции данной прагматемы в повседневной устной речи;

- богатые иллюстрации, сопровождающие описание функций прагматемы;

- количественные соотношения выделенных функций;

- корреляции с типом речи (*монолог/диалог, науч./публ./быт.*) и характеристиками говорящего (если есть) – через систему помет (*муж./жен./дет., млад./стар.* и проч.).

Думается, что такой словарь может найти своего читателя и пользователя, среди которых могут быть специалисты-лингвисты, исследователи повседневной русской речи, создатели грамматики русской речи (антропоцентрической грамматики), переводчики спонтанных текстов на другие языки (хотя бы в рамках художественного произведения при передаче речи персонажей), преподаватели русского языка как иностранного, поскольку носители других языков вынуждены учиться воспринимать и правильно понимать русскую спонтанную речь как устно, так и письменно, при чтении русскоязычных текстов, а также все те, кому интересна наша повседневная речь.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №14-18-02070 «Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах».

² Все примеры в статье атрибутированы в соответствии с их источником: прежде всего это контексты из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка либо – из двух блоков Звукового корпуса русского языка: сбалансированной аннотированной текстотеки (САТ) и «Один речевой день» (ОРД). Для контекстов из САТ указан жанр монолога: чтение, пересказ, описание изображения или рассказ на заданную тему.

³ О специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Шерстинова и др. 2009].

⁴ В отличие от обычных в спонтанной речи запинок или обрывов слов, обозначаемых с помощью многоточия, таким образом ([...]) оформляются в примерах нецензурные выражения, в которых сознательно опущены некоторые буквы.

⁵ Существует, впрочем, и другое понимание рефлексива, во многом противоположное тому, которое предлагается в настоящей статье, ср.: рефлексив – это «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» [Вепрева 1999: 51]; целью такого рефлексива является «снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближения к истине» [Шейгал 2002: 133]. Маркер-рефлексив в спонтанной речи не снимает, а лишь подчеркивает наличие информационной энтропии, никак не «приближая к истине» ни говорящего, ни слушающего.

⁶ В данном примере стоит обратить внимание еще на одну явную семантическую новацию разговорной речи: *фен* в значении ‘авторадар’ или ‘видеорегистратор’. Материал Звукового корпуса открывает богатейшие возможности для лексического анализа.

Список литературы

Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.

Богданова-Бегларян Н. В. Кто ищет – всегда ли найдет? (о поисковой функции вербальных хезитативов русской спонтанной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12(19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 125–136.

Богданова-Бегларян Н. В. Лингвистические этюды (о некоторых особенностях русской разговорной речи) // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2014а. №1 (Январь – Март). С. 50–66.

Богданова-Бегларян Н. В. Еще о законе экономики в повседневной спонтанной речи // Коммуникативные исследования. Омск, 2014б. №1 (в печати).

Богданова-Бегларян Н. В. Об одной из самых частых единиц русской спонтанной речи: *блин* с лингвистической и социолингвистической точек зрения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог»

(2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2014в. С. 76–82.

Богданова-Бегларян Н. В., Кислючок А. И., Шерстинова Т. Ю. О ритмообразующей функции дискурсивных единиц // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 2 (22). С. 7–17.

Борисова Е. Г. Дискурсивные слова и референция в процессе понимания сообщения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 13(20). По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2014) (Бекасово, 4-8 июня 2014 г.) / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2014. С. 96–106.

Вальденфельс Б. Повседневность как плавающий тигль рациональности // Социо-Логос: Социология, антропология, метафизика. Вып. 1: Общество и сферы смысла. М.: Прогресс, 1991. С. 39–50.

Вепрева И. Т. О социально-оценочной функции метаязыкового комментария в публичной речи // Политический дискурс в России – 3: материалы рабочего совещания. М.: Диалог – МГУ, 1999. С. 51–55.

Верхолетова Е. Ю. Структурно-динамический подход к социальной стратификации устной речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2010. 19 с.

Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 280 с.

Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство: сб. ст. / под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара. М.: Азбуковник, 2003. 206 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013. 532 с.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 2. Теоретические и практические аспекты анализа (Т. 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов) / отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014 (в печати).

Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. М.: РАН, Ин-т философии, Канон+, 2004. 430 с.

Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. М.: Языки слав. культур, 2010. 496 с.

Кормилицына М. А. Рефлективы в речевой коммуникации // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. С. 20–25.

Левонтина И. Б. Пересказываемость в русском языке. URL: <http://www.dialog-21.ru/dialog/2010/materials/html/44.htm>. (дата обращения: 10.06.14).

Подлеская В. И. Нечеткая номинация в русской разговорной речи: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной Междунар. конф. «Диалог» (2013) (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Вып. 12 (19): в 2 т. Т. 1. Основная программа конференции / гл. ред. В. П. Селегей. М.: РГГУ, 2013. С. 631–643.

Полякова И. П. Дом как пространство повседневности. Роль Дома в философии В. В. Розанова. URL: <http://www.culturalnet.ru/main/getfile/715> (2014). (дата обращения: 10.06.14).

Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / ред. А. А. Кибрик, В. И. Подлеская. М.: Языки слав. культур, 2009. 736 с.

Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка / ред.: М. Д. Воейкова, Н. Н. Казанский, А. Ю. Русаков, С. С. Сай. М.: Языки слав. культуры, 2012. 568 с.

Словарь русского языка: в 4 т. Т. IV. С-Я. Изд. 2-е, испр. и доп. / ред. А. П. Евгеньева, Г. А. Разумникова. М.: Рус. язык, 1984. 792 с.

Тимофеева Т. Ю. Повседневность и ее история в научном познании: сосуществование в противоборстве. URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf> (2014). (дата обращения: 10.06.14).

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история / пер. с англ. М.: Весь мир, 2003. 368 с.

Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

Черемисина-Ениколопова Н. В. Законы и правила русской интонации: учеб. пособие. М.: Флинта-Наука, 1999. 520 с.

Шейгал Е. И. Рефлективы в политической коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2002. С. 133–141.

Шерстинова Т. Ю., Рыко А. И., Степанова С. Б. Система аннотирования в звуковом корпусе русского языка «Один речевой день» // Формальные методы анализа речи: материалы XXXVIII Междунар. филол. конф. (16-20 марта 2009 г.). СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 66–75.

Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. №2. С. 129–137.

Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking» // Russian Linguistics. 2012. 36. P. 221–249.

Graf E. Interjektionen im Russischen als interaktive Einheiten. Frankfurt am Main, 2011. 328 S.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian // W. Bisang, N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Rathmayr R. Die Russischen Partikeln als Pragmalexeme. München: Sagner, 1985. 352 S.

Schiffrin D. Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. New York: Cambridge University Press, 1988.

References

Baranov A. N., Plungian V. A., Rakhilina E. V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka [The Guidebook on Discourse Words of Russian]. Moscow: Pomovskij i partn'ory Publ., 1993. 208 p.

Bogdanova-Beglarian N. V. Kto ishchet – vseгда li najd'ot? (o poiskovoj funkcii verbal'nykh khezitativov russkoj spontannoj rechi) [Those Who Seek, will They Find? (Search Function of Verbal Hesitations in Russian Spontaneous Speech)]. Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2013» [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2013»]. Iss. 12/19. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2013. P. 125–136.

Bogdanova-Beglarian N. V. Lingvisticheskie etjudy (o nekotorykh osobennostjakh razgovornoj rechi) [Linguistic Etudes (Some Features of the Russian Colloquial Speech)]. Vestnik Permskogo nauchnogo centra URO RAN [Perm Scientific Center Herald of Ural Branch of Russian Academy of Sciences]. 2014a. No 1 (January-March). P. 50–66.

Bogdanova-Beglarian N. V. Jeshho o zakone ehkonomii v povsednevnoj spontannoj rechi [More about Linguistic Economy in Everyday Spontaneous Speech]. Kommunikativnye issledovanija [Communicative studies]. No 1. Omsk. 2014b (In Print).

Bogdanova-Beglarian N. V. Ob odnoj iz samykh chastykh jedinich russkoj spontannoj rechi: BLIN s lingvisticheskoj i sociolingvisticheskoj toček zrenija [One of the Most Frequent Items in Russian Spontaneous Speech: BLIN from Linguistic and Sociolinguistic Points of View]. Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2014» [Com-

putational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2014»]. Iss. 13/20. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2014c. P. 76–82.

Bogdanova-Beglarian N. V., Kisloshchuk A. I., Sherstinova T. Iu. O ritmoobrazujushhej funkcii diskursivnykh jedinich [On Rhythm-Forming Function of Discourse Markers]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossijskaja i zarubezhnaja filologija [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2013. Iss. 2(22). P. 7–17.

Borisova E. G. Diskursivnye slova i referencii v processe ponimania soobshhenija [The Discourse Words and Reference in the Process of Understanding]. Kompjuter-naia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog 2014» [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog 2014»]. Iss. 13/20. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSHU Publ., 2014. P. 96–106.

Valdenfels B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' racyonal'nosti [Daily Routine as a Crucible of Rationality]. Socio-Logos: Sociologija, antropologija, metafizika [Sociology, Anthropology, Metaphysics]. Iss. 1: Obshhestvo i sfery smysla [Society and Spheres of Meaning]. Moscow: Progress Publ., 1991. P. 39–50.

Vepreva I. T. O social'no-ocenochnoj funkcii metajazykovogo kommentaria v publichnoj rechi [On Social and Evaluation Function of Metalinguistic Comments in Public Speech]. Politicheskij diskurs v Rossii-3: Materialy rabocheho soveshhanija [Political Discourse in Russia-3: Proceedings of Work Meeting]. Ed. by Ju. A. Sorokin, V. N. Bazylev. Moscow: Dialogue – MSU Publ., 1999. P. 51–55.

Verkholetova E. Ju. Strukturno-dinamicheskij podkhod k social'noj stratifikacii ustnoj rechi. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. [Dynamic Structure Approach to the Social Stratification of Speech. Thesis synopsis of PhD philol. sci. diss.]. Perm, 2010. 319 p.

Diskursivnye slova russkoro jazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisanija [Discourse Words of Russian: Experience of the Contextually-Semantic Description]. K. Kiseleva, D. Paillard (eds). Moscow: Metatext Publ., 1998. 280 p.

Diskursivnye slova russkoro jazyka: kontekstnoe varjirovanie i semanticheskoe jedinstvo [Discourse Words of Russian: Context Variation and Semantic Unity]. K. Kiseleva, D. Paillard (eds). Moscow: Azbukovnik Publ., 2003. 206 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Speech Corpus as a Base for Analysis. Collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description].

N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2013. 532 p.

Zvukovoj korpus kak material dlja analiza russkoj rechi. Chast' 2. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty analiza (Tom 2. Zvukovoj korpus kak material dl'a novyx leksikograficheskix proektov) [Speech Corpus as a Base for Analysis. Part 2. Theoretical and Practical Aspects of Analysis (Vol. 2. Speech Corpus as a Base for a New Lexicographic projects)]. N. V. Bogdanova-Beglarian (ed.). St Petersburg: St. Petersburg State Univ. Publ., 2014 (In Print).

Kasavin I. T., Shchhavelev S. P. Analiz povsednevnosti [Analysis of Everyday Life]. Moscow: Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Kanon+ Publ., 2004. 430 p.

Kitajgorodskaja M. V., Rozanova N. N. Jazykovo sushhestvovanie sovremennogo gorozhanina. Na materiale jazyka Moskvy [Language Existence of Modern Citizens (Based on Data of Moscow Language)]. Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2010. 496 p.

Kormilicyna M. A. Refleksivy v rechevoj komunikacii [Reflexives in Speech Communication]. Problemy rechevoj komunikacii [Problems of Speech Communication]. Saratov: Saratov Univ. Publ., 2000. P. 20–25.

Levontina I. B. Pereskazyvatel'nost' v russkom jazyke [Quotation and Rendering Markers in Russian] Available at: <http://www.dialog-21.ru/dialog/2010/materials/html/44.htm> (accessed 10.06.14).

Podlesskaja V. I. Nechotkaja nominacija v russkoj razgovornoj rechi: opyt korpusnogo issledovanija [Vague Reference in Russian: Evidence from Spoken Corpora] *Kompjuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoj konferencii «Dialog–2013»*. Tom 1. Osnovnaja programma konferencii [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Proceedings of the International Conference «Dialog–2013». Vol. 1. The Main Program of the Conference]. Iss. 12/19. V. P. Selegej (ed.). Moscow: RSUH Publ., 2013. P. 631–643.

Poljakova I. P. Dom kak prostranstvo povsednevnosti. Rol' doma v filosofii V. V. Rozanova [Home as a Space of the Everyday Life. The Role of Home in Philosophy of V. V. Rozanov] Available at: www.culturalnet.ru/main/getfile/715 (2014) (accessed 10.06.14).

Rasskazy o snovidenijakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo diskursa [Stories about Dreams. Corpora Studies of Russian Speech]. A. A. Kibrik, V. I. Podlesskaja (eds). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2009. 736 p.

Rusakova M. V. Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo jazyka [Elements of Anthropo-

centric Grammar of the Russian Language]. M. D. Vojejkova, N. N. Kazanskij, A. Ju. Rusakov, S. S. Saj (eds). Moscow: Jazyki slavjanskikh kul'tur Publ., 2012. 568 p.

Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. [Russian Dictionary: in 4 vol.] (IV, S – Ia). A. P. Evgenjeva, G. A. Razumnikova (eds). Moscow: Russkij jazyk Publ., 1984. 792 p.

Timofeeva T. Ju. Povsednevnost' i jejo istorija v nauchnom poznanii: sosushhestvovanie v protivoborstve [Everyday Life and its History in Scientific Cognition: Coexistence in Confrontation] Available at: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf> (2014) (accessed 10.06.14).

Tompson P. Golos proshlogo. Ustnaja istorija [The Voice of the Past. Oral History]. Moscow: Ves' mir Publ., 2003. 368 p.

Chimik V. V. Bol'shoj slovar' russkoj razgovornoj ehkspressivnoj rechi [Great dictionary of expressive Russian speech]. St-Peterburg: Norint Publ., 2004. 768 p.

Cheremisina-Jenikolopova N. V. Zakony i pravila russkoj intonacii [Laws and Rules of the Russian Intonation. Textbook]. Moscow: Flinta-Nauka Publ., 1999. 520 p.

Shejgal E. I. Refleksivy v politicheskoj komunikacii [Reflexives in Political Communication]. *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. Vyp. 3. Aspekty metakommunikativnoj dejatel'nosti* [Theoretical and Applied Linguistics. Iss. 3. Aspects of Metacommunicative Activities.]. Voronezh: VSTU Publ., 2002. P. 133–141.

Sherstinova T. Ju., Ryko A. I., Stepanova S. B. Sistema annotirovanija v zvukovom korpusse russkogo jazyka «Odin rechevoj den'» [The Annotate System in the Speech Corpora of Russian Everyday Communication]. *Formal'nye metody analiza rechi. Materialy XXXVIII mezhdunarodnoj filologicheskoj konferencii* [Formal Methods for a Speech Analysis. Proceedings of the XXXVII International Philological Conference]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ Publ., 2009. P. 66–75.

Sh'uc A. Struktura povsednevnogo myshlenija [Structure of Everyday Thinking]. *Sociologicheskie issledovanja* [Sociological Studies]. 1988. No 2. P. 129–137.

Brizer S. From Subject to Subjectivity: Russian Discourse Structuring Elements Based on the Adverbial Participle Govorya «Speaking». *Russian Linguistics*. 2012. No 36. P. 221–249.

Graf E. Interjections in Russian as Interactive units. Frankfurt on Main, 2011. 328 p.

Günther S., Mutz K. Grammaticalization vs. Pragmaticalization? The Development of Pragmatic Markers in German and Italian. W. Bisang,

N. P. Himmelmann, B. Wiemer (eds.). What Makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and its Components. Berlin: Language Arts & Disciplines, 2004. P. 77–107.

Rathmayr R. The Russian Particles as Pragmalexeme. Munich: Sagner, 1985. 352 p.

Schiffrin D. Discourse Markers. Studies in International Sociolinguistics 5. N.Y.: Cambridge University Press, 1988.

PRAGMATIC ITEMS IN EVERYDAY SPEECH: DEFINITION OF THE CONCEPT AND GENERAL TYPOLOGY

Natalia V. Bogdanova-Beglarian
Professor in the Department of Russian Language
Saint Petersburg State University

This article is dedicated to description and classification of specific units of spoken discourse. In some cases of their usage in everyday speech these units, which originate from both full and functional words, lose their lexical and / or grammatical meaning (in whole or in part) and get pragmatic meaning. Therefore such units change their class from the speech units to the relatively-speech (communicative-pragmatical) functional units of the Russian speech. Taking into account such *pragmaticalization* it is proposed to call these units *pragmatemes*. The article represents a survey of such items close to the pragmateme as *discourse word*, *discourse unit*, *logical or modal particle*, *connector*, *speech automatism*, *verbal hesitation unit*, *pragmalexeme*. The necessity for the new term is also explained. Suggested typology of the pragmatemes includes more than a dozen different classes such as *interjectional pragmatemes*, *hesitative*, *discourse* and *rhythm-forming markers*, *search* and *self-correction markers*, *xenomarkers*, *reflexive markers*, *markers-approximators* etc. The material being analysed is considered against a background of other specific features of the Russian speech, which can be elicited at lexical and discourse levels of the analysis. In all the cases multifunctionality of pragmatemes is stated. Discourse analysis is based on corpora material: a Section of Spoken Russian of the Russian National Corpus and the Speech Corpus of Russian Everyday Communication (ORD and SAT modules).

Key words: spontaneous speech; everyday communication; pragmaticalization; pragmatic item; discourse markers; speech corpus.